

— Папа, ну как мы выступили? Хорошо же? Скажи, хорошо? — Чжэньчжэнь всюду тормозила Гоуданя, требуя его внимания.

— Конечно, хорошо! Разве может быть плохо? Просто замечательно.

— Правда?

— Честное слово. Дочка, как ты кружилась — загляденье!

— А еще? — серьезно спросила Чжэньчжэнь, уставившись на него своими огромными глазами.

— А еще... ну, Чэнху и Чэншань тоже отлично танцевали. Прямо-таки великолепно!

Глаза девочки округлились, щеки обиженно раздулись, и она сердито выпалила:

— Папа! Ты вообще не смотрел! Младший брат не танцевал, он изображал дерево!

Гоудань и бровью не повел, мгновенно выкручиваясь из положения:

— Да-да, точно! Видишь ли, Чжэньчжэнь, папа уже стареет, память совсем ни к черту стала. Прости папину забывчивость. Теперь-то я знаю: ты танцевала краше всех, Чэнху тоже молодец, а Чэншань изобразил дерево на редкость живо и... мужественно! Папа все запомнил, честно.

Чжэньчжэнь на секунду задумалась:

— Ну ладно, так и быть, я тебя прощаю.

У Ван Сюаня от смеха так и подрагивали плечи.

«Мужественное дерево? — подумал он. — Надо же такое выдумать! Сразу видно, что Гоудань во время утренника мирно дремал и понятия не имел, кто в каких номерах участвовал, кроме первых двух-трех на открытии. Вот и плетет теперь чепуху, даже оправдание про старческую забывчивость в ход пустил»

— Хватит зубоскалить, — шепнул Гоудань. — Лучше помоги мне уговорить этих сорванцов, они меня с ума сведут.

Понимая, что терпение Гоуданя на исходе — бесконечные детские расспросы кого угодно доведут до белого каления, — Ван Сюань поспешил переключить внимание ребятни:

— В честь того, что наша троица окончила детский сад, папочка заранее заказал столик в ресторане. Самое время подумать, что вы хотите заказать на обед!

Стоило завести разговор о еде, как у уставших после праздника малышей загорелись глаза. Они наперебой принялись галдеть о том, кто что съест и в каком количестве. Мало того, что каждый пытался перечислить все любимые блюда, так они еще и начали спорить, у кого порция будет больше. Ван Сюань потер виски, мысленно признавая свою ошибку: от этого шума в ушах уже звенело.

У дверей машины Бэйшэн деловито перехватил Чэнху, оттесняя младших к старшим:

— Мы с Чэнху поедem во второй машине, а вы двое садитесь с папой и папочкой.

Опасаясь, что мелюзга увяжется за ними, он быстро подхватил племянника на руки, юркнул в салон и захлопнул дверцу. В этой машине ехали только они, да и охраны здесь было побольше. Бэйшэн твердо решил держаться подальше от мелких, особенно от Чжэньчжэнь — девчонка была невыносимо шумной.

Конечно, племянники тоже были теми еще сорванцами, но они хотя бы не визжали ультразвуком при малейшем недовольстве. От голоса Чжэньчжэнь голова раскалывалась за секунды.

Чэнху не возражал. Из всей троицы он рос самым самостоятельным и меньше всех ластился к родителям. Пока младшие капризничали и просились на ручки или на закорки, Чэнху предпочитал возиться сам по себе.

Впрочем, когда в нем просыпался бесенок, сладко не приходилось никому: по разрушительной силе он один стоил двоих младших, просто проказничал совсем иначе.

Бэйшэн охотнее проводил время с Чэнху, а потому сразу заговорщически подмигнул племяннику:

— Слышь, племяш, есть дело. Договоримся?

— Какое еще дело? — отозвался Чэнху.

— Дай мне погонять твою игровую приставку. Обещаю, Чжэньчжэнь и Чэншань ее даже краем глаза не увидят. И ничего не сломают, слово даю.

— Не дам, — отрезал Чэнху.

«Ага, разбежался, — мысленно фыркнул Чэнху. — Чтобы твой отец — мой старший брат — меня потом живьем закопал? Снова заведет вольтеру, что я ни о чем, кроме игрушек, не думаю, да еще и племянника порчу»

Бэйшэн тут же прищурился от подозрений:

— Погоди, а откуда ты вообще знаешь, что она у меня есть? Опять без спросу в мою комнату прокрался, пока меня дома не было?

— Какое еще «прокрался»? Я просто увидел коробку от приставки в мусоре, который тетушка выбрасывала. Там все крупными буквами написано было. Дядя Бэйшэн, дай поиграть! Хоть на пять дней... ладно, на три! И я ничего не скажу ни папе, ни дедушке.

— Только попробуй! — пригрозил Бэйшэн. — Вернусь и выброшу ее напрочь. И больше вообще ничем интересным с тобой не поделюсь.

В соседней машине Чжэньчжэнь без умолку тормозила Гоуданя, выдвигая одно требование за другим и торгуясь за каждую мелочь. Малышка уже и сама притомилась от собственной активности. Ван Сюань бережно вытирал ей пот со лба. Из-за редкого каприза генетики девочка унаследовала глубокие синие глаза и фарфорово-белую кожу. Тонкие черты лица она переняла у самого Ван Сюаня и росла невероятной красавицей.

Если Чжэньчжэнь среди детей выделялась кукольной утонченностью, то мальчики уродились попроще. Старший, Чэнху, пошел лицом в Гоуданя — рос крепким и выглядел довольно сурово.

— Чжэньчжэнь, сиди смирно, ты мешаешь брату, — строго проговорил Ван Сюань. — Сколько раз тебе повторять правила поведения в машине?

Стоило Ван Сюаню проявить строгость, как девочка притихла:

— Нельзя громко кричать, нельзя прыгать на сиденье, нельзя отвлекать водителя, нельзя открывать окна и высовывать голову или руки наружу...

Закончив перечисление, Чжэньчжэнь украдкой зыркнула на Ван Сюаня. Ее огромные синие глаза наполнились влагой, а на лице появилось обиженное выражение. Она понимала, что папочка прав, но усидеть на месте просто не могла: ей жизненно необходимо было все потрогать, рассмотреть, а потом развалиться на папиных коленях и вертеться волчком — тем более машина шла ровно и плавно.

Гоудань молча наблюдал за этой сценой, не вмешиваясь, как бы сильно ему ни хотелось пожалеть дочку. У них с Ван Сюанем давно существовал нерушимый уговор: если один отчитывает ребенка, второй помалкивает, согласен он с воспитательными мерами или нет. Нельзя потакать капризам, иначе дети быстро научатся искать лазейки и юлить.

В свое время они даже серьезно поговорили с Ли Сы и госпожой Яо, твердо запретив дедушке баловать внуков и навязывать им свои устаревшие методы воспитания, когда те оставались на его попечении.

Гоудань аккуратно переложил спящего Чэншаня в детское кресло и застегнул ремни безопасности. По сравнению с братом и сестрой младший у них рос самым покладистым —

проказничал редко, в основном за компанию со старшими. В тишине он больше всего любил сидеть и смотреть в одну точку или часами ковыряться со своими игрушками, не требуя внимания.

Поначалу Ван Сюань сильно переживал. Будучи врачом, он ко всему подходил с научной дотошностью, в отличие от менее мнительного Гоуданя. Однако после долгих наблюдений он убедился: у мальчика нет ни аутизма, ни задержки в развитии, ни проблем со здоровьем. Просто он от природы рос спокойным, усидчивым ребенком.

Со стороны могло показаться, что все дети одинаковы — едят, спят, капризничают. Но если присмотреться, каждый ребенок уникален. Даже непоседы шалят по-разному, а за внешней замкнутостью всегда скрывается свой собственный, неповторимый внутренний мир со своими привычками и странностями.

Изучение характера своего чада — обязательный урок для любого родителя, ведь в мире, как известно, не сыскать двух абсолютно одинаковых листьев.

С началом летних каникул Ли Сы и госпожа Яо решили навестить родные края. Они наведывались туда стабильно раз-два в год. Поскольку пожилых людей сопровождали няня и надежная охрана, Гоудань и Ван Сюань за них не беспокоились. Но на сей раз отец настоял, чтобы вместе с ними поехал и Бэйшэн.

В отличие от старших братьев, которые выросли в деревне и сохранили прочную связь с земляками даже после переезда в столицу на учебу и работу, Бэйшэн с пяти лет безвылазно жил в Столице. Здесь он учился, а во время каникул братья постоянно отправляли его на всевозможные кружки, секции, в зимние и летние лагеря.

Иногда подростка отсылали пожить за границу. Когда отец с мачехой собирались в деревню Сикань, он обычно оставался в Столице, поэтому смутно помнил те места и не питал к ним никаких чувств. Для старших Ли родина была священными истоками, а для четырнадцатилетнего Бэйшэна она оставалась лишь точкой на карте. Его домом всегда была Столица.

— Там наши корни, наш настоящий дом! Там похоронены твои дедушка с бабушкой, — ворчал Ли Сы. — Ты уже взрослый парень, пора бы и честь знать, съездить провести родню. Сам ведь из деревенских, как можно о корнях забывать?

Бэйшэну как раз исполнилось четырнадцать — возраст бунтарский, когда всю формируется характер. Выросший в роскоши мегаполиса, ни в чем не знавший отказа, он совершенно не ассоциировал себя с деревней и скептически относился к отцовским нравоучениям. Слова отца вызвали у него лишь глухое раздражение.

— Поездка пойдет тебе на пользу, — подал голос Гоудань. — Посмотришь на наши места, познакомишься со старожилками и родней. Это правильно.

Бэйшэну эта затея была не по душе. Кого он там знает? Разве что старших племянников — Дафу и Инью, с ними он общался хорошо. С остальными деревенскими он ни разу не виделся. Иногда, конечно, земляки наезжали в столицу, и тогда Гоудань с Ван Сюанем устраивали обеды, на которые братьям приходилось брать и его, а нуждающимся родственникам всегда помогали деньгами.

Но раз уж заговорил старший брат, спорить было бесполезно. Надувшись, Бэйшэн буркнул отцу:

— И надолго я туда? Мы вообще-то с пацанами договаривались гулять на каникулах. Да и нет у меня там никого знакомого. Зачем ехать-то?

«Дедушки с бабушкой давно в живых нет, на кого там смотреть?»

— Что ты заладил: гулять да гулять! — вспыхнул Ли Сы. — Нагуляешься еще. Поедешь и просидишь там до самого сентября!

Гоудань успокаивающе приобнял отца за плечи, а затем перевел строгий взгляд на младшего:

— Либо успеешь встретиться с друзьями за оставшиеся пару дней, либо объясни им ситуацию. Уверен, они поймут, что у тебя семейная поездка.

У Бэйшэна перехватило дыхание, на глаза едва не навернулись слезы. Против воли старшего брата не пойдешь — это он усвоил твердо. К тому же он почувствовал, что Гоудань недоволен тем, в каком тоне подросток разговаривал с отцом.

— Ладно... — понутив голову, прошептал он. — Я предупрежу ребят.

Обычно жизнерадостный, высокий и статный парень совсем приуныл. Встретившись с друзьями, он принялся изливать душу: жаловался на вечный контроль со стороны старшего брата, который решал за него буквально все. Бэйшэн прекрасно понимал, что Гоудань желает ему только добра.

«Но почему меня никто никогда не спрашивает, хочу ли я этого?»

В его представлении родная деревня была глухой дырой без дорог, игровых приставок и сотовой связи.

Ровесники тут же его поддержали:

— Предков хлебом не корми — дай жизнь подгадить! — в сердцах воскликнула одна из девочек, измученная строгим домашним воспитанием. — Меня мать заставила ходить на пианино, балет и еще черт знает куда. Смерть как надоело! Мне это даром не сдалось. Хоть бы на неделю от меня все отстали!

— Ну так сбеги из дома, делов-то, — ухмыльнулся развязный паренек из их компании.

— Отвали, — огрызнулась девчонка. — Сама знаю, что делать. Я тебе что, дура безмозглая? На какие шиши я жить буду?

— Чжао Сюэ, а у тебя как? — обратился один из ребят к сидевшей рядом красавице. — Твои предки небось пылинки с тебя сдувают. Мама у тебя такая лапочка, отец никогда не ругается, покупает все, что попросишь. Везет же людям с родителями!

Не успел он закончить, как сидевший рядом приятель ощутимо пихнул его локтем в бок. Тот недоуменно уставился на него, всем видом вопрошая, какого черта тот толкается.

Толкнувший его парень многозначительно кивнул в сторону и зашептал на ухо:

— Заткнись ты про Чжао Сюэ. Дома у нее стряслось что-то нехорошее.

— А что случилось?

В подростках мгновенно проснулось жгучее любопытство, однако приличия они знали и напрямую лезть с расспросами не решились. Шепнувший пообещал рассказать обо всем попозже, и компания вновь переключила внимание на страдающего Ли Бэйшэна.

<http://bllate.org/book/19654/1996897>